

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БЫТИЯ

О.Ю. АКИМОВ

АПОФАЗИС КАК ОТКРОВЕНИЕ ЦЕННОСТИ БЫТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.В. РОЗАНОВА

Аннотация. Предметом исследования является изучение текстов Розанова как особого пути постижения бытия, осуществленное как понимание стиля вещей- их внутренней формы, связанной с человеческим восприятием и позволяющей мыслителю увидеть мир с одной стороны как собранное (стяжанное) целое (порядок, смысл), а, с другой, как лишенное этой целостности частное, которое в своем абсолютном выражении является началом хаоса. Действительный мир, живой и неопределимый, представляет собой по Розанову иррациональное сочетание этих начал, которым подчиняется жизнь смертного человека. Реконструкция апофазиса В.В. Розанова осуществляется в статье с помощью диалектического метода, примирение двух противоборствующих начал происходит посредством третьего, которое определяется взаимным сосуществованием двух первых, так противостояние небесного и земного в произведениях Розанова разрешается в феномене семьи. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении текстов мыслителя с помощью апофатического метода, что позволяет показать не только внутреннюю логику отдельных фрагментов розановских текстов, но и наметить их смысловую доминанту-понимание бытия как пустоты, заполнение которой в разных ситуациях приводит или к верховенству абсолютного порядка (божественное бытие, определяющее мир как гармоничное целое) или к верховенству хаоса (иррациональное начало мира, связанное для Розанова с языческой религией). Их взаимодействие априори является для Розанова ценностью.

Ключевые слова: бытие, антиномия, пустота, снятие, жизнь, смерть, апофазис, деструкция, вещь, обесценивание.

Abstract. The subject of this research is the study of V. V. Rozanov's texts as a peculiar way of achieving the being, realized as the understanding of style of things – their inner form, associated with the human perception, which allows the thinker to see the world as collected (attained) integral (order, meaning) on one hand; and as deprived of its integrity individual, which in its absolute expression represents the beginning of the chaos. The real world, living and undefined, in Rozanov's understanding is the irrational combination of these beginning that preside over the life of mortal man. The reconstruction of V. V. Rozanov's apophysis is being realized with the help of dialectical method; reconciliation of the two antagonistic beginnings is performed through the third, which is defined by the mutual coexistence of the first two. Thus, the animosity between the heavenly and earthly in Rozanov's works finds its resolution in the phenomenon of family. The scientific novelty consists in examination of the thinker's texts using the apophatic method. It allows demonstrating not only the inner logic of separate fragments of Rozanov's texts, but also mark their conceptual dominant understanding of the being as emptiness, the filling of which in various situations leads to either supremacy of the absolute order (divine being defining the world as the harmonic whole), or supremacy of the chaos (irrational beginning of the world associated with Paganism). Their interaction, in Rozanov's opinion, is valuable a priori.

Key words: destruction, Apophysis, death, life, sublation, vacuum, antinomy, being, thing, devaluation.

Изучение духовного наследия Розанова предполагает использование для адекватной интерпретации его текстов ряда методов. Одним из них является апофатический метод, предполагающий богопознание как отрицание предикатов божества, когда постижение божественной сущности оказывается априори не-

полным, и сама эта неполнота рассматривается как необходимое условие подлинности духовного опыта познающего. С нашей точки зрения постижение бытия в произведениях Розанова осуществляется апофатически как отстаивание ценности того, что не может быть названо. Это имя (бытие) Розанов озвучивает как нечто безусловно ценное. Само про-

изнесение имени, которое с рациональной точки зрения нельзя произносить, является для мыслителя религиозным откровением. В контексте этого откровения становится очевидной неопределимая суть вещей, связанная с звучанием их имен.

Осмысление текстов Розанова не предполагает апелляции к определенной культуре знания, что характерно для классических философских текстов, понимание которых связано с их толкованием, оно, как правило, осуществляется самим автором, поясняющим используемые им понятия (например текст «Критики чистого разума» И. Канта можно рассматривать как словарь заранее продуманных автором понятий, осмысление которых фактически делает текст не необходимым, то есть текст существует как комментарий к этим понятиям). Напротив понимание классических произведений античной философии (например, диалогов Платона), не может быть абсолютным, являясь результатом не вычленения основных идей текста, а вслушивания, в ходе которого становятся очевидными основные идеи.

Попыткой комментирования Розанова (по образцу классических текстов) являются прочтения В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, которые базируются на вычленении основных идей и создании «словаря» произведений Розанова, анализируя в качестве понятий темы мыслителя, в частности тему семьи (однако полной адекватности между понятием «семья» и темой семьи не происходит; аналогия, которую «нащупывает» здесь сознание связана не с понятием, а со звучанием слова). Альтернативой этому является вслушивание в тексты Розанова, представленное в работах В.В. Библихина: «Слово Розанова», «Время читать Розанова», «Мир». Это попытка услышать живой голос Розанова, звучащий в его темах. Звучание связано с произвольными ассоциациями слушающего, оно не может быть интерпретировано как словарь, и только указывает на сложность проблемы, которая должна определить новое слушание-слушание читателя, «живущего» жизнью Розанова и не пытающегося создать из его текстов понятийный тезаурус. Таким образом возникает звучащий текст Розанова, понимание которого, открывает тайну бытия как живого органического целого, (поэтому Розанов никогда не размышляет в собственном этом слове [3, С. 121]).

Неопределенное положение Розанова в философии и литературе (человек без роли [3, С. 197]) оправдано тем, что неопределимое и заранее всем известное бытие является основной темой мыслителя, формой его заинтересованности в действительном мире. Об этом он пишет, что самое суще-

ственное – просто действительность[3, С. 169] и нигде, не определяя ее до конца, сравнивает ее с полицейским на улице. [1, С. 302-303] Это не просто метафора, а попытка показать «дорогу» к новым значениям уже известного. Розанов нигде не определяет бытие, не стремится его объяснить, поскольку по-розановски объяснять значит ограничивать, а мир должен оставаться свободным и неопределенным[2, С. 95] Поэтому розановский метод актуализации присутствия бытия апофатичен (ведь сам Розанов есть то, что он описывает)

Термин апофазис, означающий буквально «отказываться, высказываться» традиционно используется в апофатическом (отрицательном) богословии и определяет восхождение к абсолюту как отрицание приписываемых ему человеческим знанием и традицией антропоморфных качеств. Отрицание парадоксальным образом ведет к утверждению трансцендентности абсолюта. Ж. Деррида определяет апофазис как умение говорить о Боге беззвучным голосом, это утверждение, разъяснение, отклик[5, С. 205]. Апофазис утверждает божественное бытие, отрицая одно из предписываемых ему человеческим знанием свойств. В современной стилистике апофазис определяется как стилистическая фигура, нацеленная на преднамеренное изменение или отрицание высказанной автором мысли. В произведениях Розанова («Уединенное») объединяются оба приведенных значения данного термина. Учитывая специфику высказываний Розанова, можно говорить о совпадении этих значений в его текстах, касающихся разных предметов. Например, говоря о своей ненависти ко все русскому, мыслитель одновременно начинает ненавидеть всякого, кто также как и он, ненавидит Россию. [1, С. 227; 3, С. 48; 3, С. 65]. То есть утверждаемая ненависть оказывается отрицаемой любовью, а казенная любовь к отечеству (патриотизм) вызывает ненависть мыслителя.

Сложнее ситуация становится, когда апофазис Розанова говорит о бытии, поскольку в конечном итоге под вопросом оказывается жизнь мыслителя. Апофазис Розанова не телеологичен, то есть речь не может идти о приписывании ему определенной религиозной, псевдорелигиозной или метафизической цели. Цель Розановым не выбрана, она сама выбирает его как бытие, которое везде и нигде. Бытие это то, что случается с Розановым, это его жизнь, рассматриваемая им без опоры на конкретный смысл, то есть не выражающая собой определенную идею спасения – христианскую или языческую, отсюда розановские слова о своей собственной ненужности [3, С. 57] и сравнение собственной души с запутанной нитью, которой

ничего нельзя укрепить [3, С. 319]. Розанов «рисует» бытие как узел который нельзя разрубить [3, С. 35-36]. В его образной системе узел означает нечто живое, не холодное, не абстрактное, не выученное по учебнику с чужих слов. Это образ бытия, данный собственной жизнью человека Розанова, в котором сочетается максимальная простота и сложность [3, С. 216, 3, С. 275].

Апофазис Розанова представляет собой не восхождение к Богу, как это имеет место в классической теологии, а восхождение к бытию, а точнее, отстаивание бытия, его апологию. Этому посвящена первая работа Розанова «О понимании», в которой отстаивается право мира быть неподконтрольным знанию человека, свободным [4, С. 21-22]. Неподконтрольность становится в звучащем тексте Розанова спонтанностью. Спонтанность – основная интуиция «постижения» бытия у Розанова и основная личностная интенция мыслителя. Апофазис Розанова- отрицание артикулированной традицией (античной или христианской) собранности бытия в целое как объединение одного и многого и одновременно провозглашение неразрушимости этого целого. Розанов призывает отказаться только от человеческой интерпретации целого, аккумулированной традицией или установлениями государства (это и призыв строить мелкое, и описание казенной России как ряда пустот [1, С. 351; 3, С. 176].) Параллельно этому Розанов выстраивает линию защиты целого, указывая на важность государственных форм, строя, порядка. [1, С.195-196] Обе линии соединяются в личностном пространстве Розанова как осознание собственной беспомощности перед стихийными силами природы и той пошлостью, которая входит в структуру космоса. [3, с 230] Розановская апология бытия приводит мыслителя к смерти, поэтому он в разных текстах приходит к идее неблагого Бога, которого нельзя принять, или того, что одолевает и Бога. [3, С. 167] На первый взгляд, эти два утверждения противоречат друг другу, особенно в контексте борьбы Розанова с позитивизмом, стремившимся поставить Бога на определенное конкретное место [3, С. 79-80]. Разрешение этого противоречия осуществляется как осознание Розановым ценности собственной жизни.

Мыслитель нигде не использует понятие «ценность», тем не менее многие высказывания Розанова предполагают рефлексию ценности в классическом смысле, то есть как внутренней значимости, делающей ценным все, причастное ей. Эта интуиция раскрывает смысл учения Розанова как отстаивание ценности бытия и одновременно отрицание этой ценности, поскольку причастность

ей, с одной стороны, означает принадлежность к формальной иерархии (государственный и общественный порядок, уклад), а с другой, нарушение этого порядка, несоблюдение законов, которые Розанов считает человеческими [1, С. 255]. Ценность бытия у Розанова антиномия, точнее она предполагает определенность вещи одновременно двумя началами, которые, как правило, противостоят друг другу, и это противостояние используется мыслителем как своеобразный художественный прием. Этот прием (целенаправленное нагнетание внутреннего противоречия) используется в текстах Розанова при описании «противостояния» неба и земли. Ряд исследователей (А.Ф. Лосев, В.В. Зеньковский) акцентируют внимание на землецентричности Розанова, однако она не абсолютна, так как требует дополнения противоположным ей, то есть небом. Небо Розанова не утверждено над землей, оно соотносено с ней, сопредельно ей, земля, в свою очередь, не подчиняется велениям неба, а находится с ними в постоянном споре, который и определяет бытие, реализуя его в ценности конкретной жизни как внутренней связи этих противоположных начал. Этот спор определяет счастье мира и человека, которое может быть одновременно решено величественно и низко. [2, С. 104-105] Оно не предполагает реализации конкретных надежд человека, а лишь показывает ему его самого. Поэтому Розанов с таким внутренним трепетом отстаивает существующий несовершенный мир, в котором царит ложь, но у природы блестят глаза [2, С. 23-24; 2, С. 14-15].

Важным моментом розановского апофазиса является отторжение от вещей, в котором открывается ценность их бытия [1, С. 196]. Благодаря этому выясняется, что вещи соответствуют своей собственной рационально не объяснимой цели. [3, С. 90]. Осознание этой цели означает для мыслителя фиксирование иррационального противостояния между мертвой холодной формой, и живым выходящим из под ее контроля изменчивым содержанием [1, С. 196-197]. Это противостояние не может быть разрешено и снято, так как разрешение его равносильно смерти человека и концу мира. В этот момент все находится в состоянии неравновесия, которое с такой любовью описывал Розанов. Это точки перехода утра и вечера, рождения и смерти; опыт их переживания для мыслителя всегда негативен, так как увиденный или прочувствованный им момент- это всегда начало разрушения, изменения текущего статуса вещей, их отклонение от правила, потеря их законного места в принятой иерархии (начало болезни жены, описанной на страницах «Уединенного») [3, С. 77-78]. Мыслитель

подозрительно относится к признанным всеми вещам и идеям, поскольку одобрение большинства является для Розанова предвестием ухода от сути вещей, началом саморазрушения мира. Проверая вещи на прочность и открывая их с неожиданной стороны, это саморазрушение освобождает место их подлинному бытию, поэтому законченные стилистически, совершенные вещи есть для Розанова в то же самое время вещи мертвые, а стиль есть нечто внешнее [3, С. 366]. Рефлексия, направленная на бытие, есть для Розанова рефлексия пустого понятия, чистого смысла, являющегося потенцией того или иного содержания. Движение к этому смыслу и есть движение к бытию как необязательному дополнению или доведку того, чем заполнена действительная жизнь человека Розанова. Но сама эта жизнь, то есть уже определенным образом реализованное содержание и осмысленные вещи, есть тоже бытие. Следовательно, продвижение к чистому смыслу должно быть снятием этих уже имеющих содержания.

Розанов осуществляет это снятие в двух противоположных направлениях. Первое направление – собирание мира в одну точку, стягивание его, (речь идет о так называемом темном фоне мира, вуали на нем [1, С. 299] о котором сам Розанов пишет: «темное режет черное» [3, С. 159].) Это стягивание есть приближение к невидимой границе и умирание человека, постепенное старение, уничтожение, открывающее пустоту. Описывая собственную будущую смерть, Розанов представляет себе окружающие предметы, оказавшиеся во внеприсутствии его ушедшей жизни. Таким образом апология ценности жизни связывается с апологией пустоты беспредметного бытия, которую живой и несовершенный человек Розанов не может принять, но именно эта пустота и является ценностью, потенциально принимающей в себя все возможные содержания. [4, С.38]

Противоположностью «стягивания» мира к неведомой и ускользающей границе является у Розанова видимость заполнения пространства, причем как пространства материального, заполненного вещами и книгами, так и пространства идейного, (литературы, религии, науки), что и заставляет Розанова подыскивать новые коннотации обыденных вещей и своих собственных давно пережитых мыслей. Когда Розанов говорит «никогда не приходило на ум...» [3, С. 128], это необходимо воспринимать буквально, поскольку мыслителю по его собственным словам не приходило на ум абсолютно прозаические вещи, например, что человек смертен. [3, С. 80]. Сближением этих форм является семья как центр гармонично построенно-

го космоса. Розанов в субъективном переживании, являющемся для него априори ценным, совмещает оба направления апофазиса, так как, с одной стороны, семья для него воплощение бесосновной и безусловной взаимной любви, возможное только благодаря ценности бытия как пустоты и незаполненности, а с другой, семья только видимость пустоты, где чужие друг другу люди связаны между собой традицией и корыстными интересами [3, С. 60]. Поэтому мир создан по принципу кривых линий [2, С. 81], любая попытка исправления которых ведет к смерти.

В произведениях Розанова понятие «смерть» используется в нескольких значениях, первое из которых его собственная физическая смерть. Переживание неизбежности смерти, собственной конечности предполагает у Розанова наличие оставшейся после его физического конца пустоты, того самого «нет», которое мыслитель не в состоянии себе представить. [2, С. 99] Стоит обратить внимание на аргументацию Розанова в данном утверждении. Он пишет, что, если нет меня – данного конкретного человека, то не существует и самого этого нет. То есть приближение к нет и отталкивание от вещей есть приближение к бытию, не названному определенным именем. Оно, с одной стороны, делает причастные ему вещи и людей ценными, а с другой, обесценивает их, сопровождаясь забвением собственных истоков и непониманием себя. Понимание, узнавание, припоминание всегда предполагает видение через другое. Без этого другого, сквозь которое все видно, нельзя прикоснуться к бытию. На человеческом языке оно по свидетельству Ж. Деррида и В. Розанова называется смерть.

Другое значение термина «смерть» у Розанова это изменение существующего порядка или приближение к перемене, в котором вещи и люди демонстрируют себя с неизвестных сторон. Оно означает у Розанова предвестие нового состояния, поэтому он определяет Бога как вечное утро мира, из которого все потом [3, С. 415]. Это новое состояние потенциально может восприниматься как пустота, непроявленность, несвязность ни с каким конкретным содержанием. В этом значении смерть для мыслителя – начало новой, иной жизни, которая, как правило, не связана с собственными истоками, хотя и зависит от них. Поэтому Розанова интересует состояние хаоса мира, в котором скрыты возможности актуализации вещей, и имена их еще не названы, о попытке раскрыть псевдонимы в природе, рассказывает о об универсальном смысле исключений. [1, С. 201-202; 1, С. 222-223; 2, С. 199] У мыслителя есть процедура, аналогичная называнию имен, это одновременно метафизиче-

ская и художественная попытка переосмысления обыденных вещей, благодаря которой в центре розановского повествования оказывается ложь мира как его метарациональная способность скрывать и беречь свою тайну, то, что не исчерпывается подконтрольными рациональному знанию и традиции содержаниями. Все, тайна чего открыта, умирает, становясь шаблоном. [3, С.124].

К этому близко еще одно значение термина «смерть, встречающееся в произведениях Розанова. Это потеря отличия от другого, потеря собственного лица; не случайно Розанов воспринимает стиль как душу вещей [3, С. 293]. В этом смысле смерть для Розанова есть абсолютное слияние с общим, в котором невозможно никакое различие, когда человек или вещь полностью соответствуют заранее известной программе, культурной традиции, религии, форме, без которой тем не менее мир не стоит [1, С. 196]. Парадокс Розанова заключается в том, что абсолютизация отдельных сторон бытия (социального или государственного) никогда не влечет за собой потери собственного лица человека, его неповторимого индивидуального стиля, поэтому носителем смерти становится в данном случае только обезчеловеченное шаблонизированное неподлинное целое, например позитивистская наука, и в этом смысле позитивизм есть смерть [1, С. 213-214; 3, С. 47]. Индивидуализм отдельного человека расшатывает государство, однако по Розанову оно держится не только общим формализованным строем, который для мыслителя априори бесчеловечен, но и человеческими слабостями, отступлениями от порядка, поэтому без грешного человека труднее прожить чем без свя-

того [3, С. 406-407]. Таким образом апофазис Розанова определяется интуицией бытия как одного и многого, выраженной одновременно и метафизически, и художественно. Эта интуиция открывает бытие как ценность. Для Розанова бытие неопределимо, поскольку попытки определить его приводят к рассмотрению явлений через уже известные содержания видимого мира. Розанов остается чужд этого соблазна (с этим связан «эффект отстранения зеркала» в литературе, который он описывает [3, С. 130-131]).

Одной из противоположностей, с помощью которой апофатически осуществляется откровение ценности бытия в произведениях Розанова, является оппозиция покоя и движения. Фрагменты розановских текстов содержат противопоставление покоя и движения разной степени напряженности, что является модификацией уже намеченной системы антиномий. В частности все живое, изменчивое, индивидуально окрашенное находится у Розанова в движении с заранее намеченной, но не всегда понятной целью. Это движение, предполагающее самораскрытие ценности бытия, оканчивается смертью. С другой стороны, альтернативный вариант покоя как отсутствия движения, намечаемый в текстах Розанова, оканчивается или утопией, которая тоже есть смерть или сном, воспринимаемым мыслителем как особый русский путь бытия. [3, С. 177] В итоге оба пути ведут в тупик. Единственной ценностью остается их апофатически рассматриваемое противоречие, в котором ни один из говорящих собеседников никогда не откроет истины, ведь истину знают все, а философ всегда только он [1, С. 527].

Список литературы:

1. Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... / Сост. П.П. Апрышко, А.Н. Николюкин. М.: Республика, 2005. 671 с.
2. Розанов В.В. Собр. соч. Мимолётное / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 541 с.
3. Розанов В.В. Уединённое / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
4. Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. СПб., 1994. 845 с.
5. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум), Как избежать разговора: денегации. Мн.: Экономпресс, 2001. 320 с.
6. Гуревич П.С. Зигзаги понимающей психологии // Психология и Психотехника. 2015. № 1. С. 7-10. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.14159.
7. Рабинович В.Л. Лицемерие отсутствия // Культура и искусство. 2012. № 1. С. 110-115.
8. Корнильев В.В. Кому принадлежит смысл жизни? // Педагогика и просвещение. 2013. № 1. С. 60-71. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.01.7.
9. Попова О.В. Феномен «голой жизни» в контексте конструирования смерти человека // Психология и Психотехника. 2014. № 8. С. 813-820. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.8.12448.
10. Гуревич П.С. Человек есть усилие быть человеком... (Рецензия на книгу издательства «Канон+») // Педагогика и просвещение. 2014. № 2. С. 85-93. DOI: 10.7256/2306-434X.2014.2.13008.
11. Полищук В.И. Франц Кафка: познание жизни и любовь к бытию // Филология: научные исследования. 2014. № 3. С. 271-281. DOI: 10.7256/2305-6177.2014.3.12334.
12. Гуревич П.С. Бытийственность игры // Психология и Психотехника. 2014. № 9. С. 905-908. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.9.12950.
13. Корень Р.В., Бугаев А.Ф. в поисках смысла // Политика и Общество. 2013. № 2. С. 137-144. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.02.2.

14. Зелинская А.Н. Смысл жизни как человеческий экзистенциал // Психология и Психотехника. 2013. № 6. С. 529–535. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.6995.
15. Авалян С.А. О жизни и смерти // Психология и Психотехника. 2012. № 6. С. 6–12.

References (transliterated):

1. Rozanov V.V. *Sobr. soch. Kogda nachal'stvo ushlo...* / Sost. P.P. Apryshko, A.N. Nikolyukin. M.: Respublika, 2005. 671 c.
2. Rozanov V.V. *Sobr. soch. Mimoletnoe / Pod obshch. red. A.N. Nikolyukina*. M.: Respublika, 1994. 541 s.
3. Rozanov V.V. *Uedinennoe / Sost., vstup. stat'ya, komment., bibliogr. A.N. Nikolyukina*. M.: Politizdat, 1990. 543 s.
4. Rozanov V.V. *O ponimani. Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya*. SPb., 1994. 845 s.
5. Derrida Zh. *Ostav' eto imya (Postskriptum), Kak izbezhat' razgovora: denegatsii*. Mn.: Ekonompress, 2001. 320 s.
6. Gurevich P.S. *Zigzagi ponimayushchei psikhologii* // *Psikhologiya i Psikhotehnika*. 2015. № 1. S. 7–10. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.14159.
7. Rabinovich V.L. *Litsezenie otsutstviya* // *Kul'tura i iskusstvo*. 2012. № 1. S. 110–115.
8. Kornil'ev V.V. *Komu prinadlezhit smysl zhizni?* // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2013. № 1. S. 60–71. DOI: 10.7256/2306-434X.2013.01.7.
9. Popova O.V. *Fenomen «gloi zhizni» v kontekste konstruirovaniya smerti cheloveka* // *Psikhologiya i Psikhotehnika*. 2014. № 8. S. 813–820. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.8.12448.
10. Gurevich P.S. *Chelovek est' usilie byt' chelovekom... (Retsenziya na knigu izdatel'stva «Kanon+»)* // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2014. № 2. S. 85–93. DOI: 10.7256/2306-434X.2014.2.13008.
11. Polishchuk V.I. *Frants Kafka: poznanie zhizni i lyubov' k bytiyu* // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2014. № 3. S. 271–281. DOI: 10.7256/2305-6177.2014.3.12334.
12. Gurevich P.S. *Bytiistvennost' igry* // *Psikhologiya i Psikhotehnika*. 2014. № 9. S. 905–908. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.9.12950.
13. Koren' R.V., Bugaev A.F. *v poiskakh smysla* // *Politika i Obshchestvo*. 2013. № 2. S. 137–144. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.02.2.
14. Zelinskaya A.N. *Smysl zhizni kak chelovecheskii ekzistentsial* // *Psikhologiya i Psikhotehnika*. 2013. № 6. S. 529–535. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.6995.
15. Avalyan S.A. *O zhizni i smerti* // *Psikhologiya i Psikhotehnika*. 2012. № 6. S. 6–12.